

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Главный редактор
Наталия Николаевна КОСТЮЧЕНКО

Редакционная коллегия:
Владимир Андриевич, Алесь Бадак,
Виктор Васильев, Мария Воинова-Стреха, Вадим Гигин,
Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков, Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталя Шарангович, Виктор Шнип

Адрес редакции
Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: neman@mastlit.by
Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:
74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Технический редактор, компьютерная верстка, дизайн: *Н. А. Артёмова*
Стильредактор: *О. В. Криводубская*

Подписано в печать 09.07.2025. Формат 70×108 $\frac{1}{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 9,98. Тираж 555. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

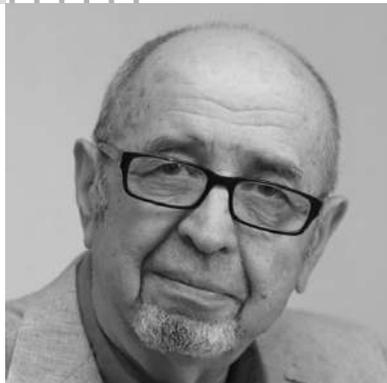
К сведению авторов
Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2025
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2025
© УП «Мастацкая літаратура», 2025

Наум ГАЛЬПЕРОВИЧ

ГДЕ ХЛОПЧИК ТОТ?..

Повесть

*Дзе хлопчык той?
Вазьмі мяне, вазьмі
У сіні ранак і ружовы вечар
Свае далоні пакладзі на плечы,
Пра нашу маладосць пагамані.*

Эта повесть является своеобразным продолжением уже опубликованных произведений «Город» и «Красный мост». В ней рассказывается о моей полоцкой молодости, о родном городе, первой дружбе и любви; это репортаж о мире веры и вдохновения, радости и волнения, потерь и находок, разочарований и надежд... Это строки стихов, что писались всей моей жизнью.

Я УЧЕНИК...

«Ты был грузчиком? — ехидно спросил в разговоре один из друзей по перу. — Что-то слабо верится».

Верится или не верится, но это чистая правда. Даже сын временами посмеивается, дескать, сколько ты там работал грузчиком, а везде и всюду вспоминаешь об этом.

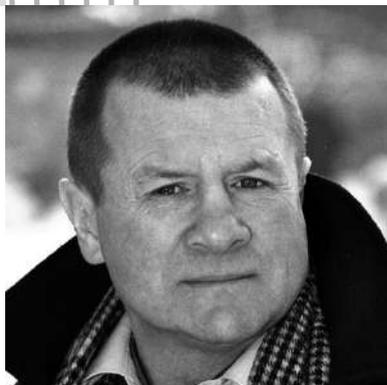
А вспоминаю потому, что именно там, в бракомерильном цеху Полоцкого завода стекловолокна, получил первые профессиональные и жизненные уроки.

Так получилось, что вернувшись в Полоцк из Минска студентом-заочником журфака, два месяца не мог найти работу в родном городе.

Поэтому, когда при очередном визите в отдел кадров крупнейшего в городе предприятия услышал от его начальника не очередной отказ, а слова, что есть только вакансия транспортировщика в бракомерильном цеху, выдохнул с облегчением: «Согласен».

Валерий ГРИШКОВЕЦ
И ДАЛЬШЕ —
ЖИТЬ!

Стихи

Время возвращения — суббота,
День шестой. Уже не чую ног.
Эй, живой кто?! Отпирай ворота!
Грязь такая — не поднять сапог.

Валит дым, дым стелется по пожням,
Чем-то горьким пахнет. И родным.
Молодостью? Счастьем? Пахнет прошлым,
Горечью вчерашней пахнет дым...

Память расстилает ветхий свиток —
Сводит паутиною чело.
Все забыто, думал, шито-крыто, —
Ничего бесследно не прошло...

Вдруг ударил колокол. С погоста!
Так и обмер — замер у ворот.
Сложно жил. Дожить хотелось просто.
— Что там ждет?
— Да то тебя и ждет...

Старые фото...
Знакомые лица,
Люди, события,
В беге житейском
Спокойно забытые.

Старые фото...
Потери, утраты,
Какие-то встречи,
Какие-то даты...

Валентина ПОЛИКАНИНА

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

Рассказы

РАДОСТНАЯ ВОРОНА

Эта большая старая ворона прилетала к торговой палатке каждое утро. Женщина, продававшая овощи и фрукты, выделяла «завсегдашнюю клиентку» из сообщества ее угольно-черных вороньих собратьев не только по характерной седовато-пепельной окраске, но и по необычному, весьма забавному поведению. Наевшись хлебных крошек, седая ворона всегда учтиво поворачивалась в сторону продавщицы и, смешно оттопырив крылья, издавала странные гортанные, булькающие звуки. Казалось, что сытая гостья с чувством благодарности и особого удовлетворения птичьей жизнью картаво выкрикивает оптимистичное человеческое слово: «Р-рада!»

— Ну, надо же! — в очередной раз услышав вороньи возгласы, удивилась разговорчивая продавщица и обратилась к унылого вида покупателю: — Даже ворона радуется, а мы, люди, все горюем. Все нам плохо, скучно жить...

— Это точно, — вяло заметил покупатель.

— А все потому, что перестали замечать самые простые, добрые вещи: солнце, цветы, траву... Друг в друге радости не видим, в гости не ходим. Пойдут двое влюбленных в кафе — и там уткнутся в айфоны, даже друг на друга не смотрят. Не люди, а роботы... Правда, есть еще те, кто сопротивляются. Недавно прочитала в журнале: хозяин одной кофейни повесил на дверях табличку: «У нас нет Wi-Fi не потому, что мы жмоты. Просто общайтесь с тем, с кем пришли!» Хорошо придумал... Может, хоть на пару часов кого-то очеловечит, чувства освежит... Вот смотрите: обыкновенная ворона — а она же нам пример подает! Кричит по-своему, словно лозунг провозглашает, а все понятно: рада, мол, я!

И расчувствовавшаяся продавщица бросила вороне новую порцию хлебных крошек и большую баранку.

Привыкшая к доброму отношению ворона неспешно склевала все крошки, внимательно посмотрела по сторонам и, словно поразмыслив о том, как прихватить «ссобойку», клювом подцепила баранку, подбросила вверх и, как заправский жонглер обруч, ловко накиннула себе на

шею... Потом, учтиво повернувшись к продавщице и оттопырив крылья, три раза весело прокартавила: «Р-рада! Р-рада! Р-рада!»

— Вот, что я вам говорила? — засмеялась продавщица, глядя на удивленного покупателя.

— Ничего себе! — сказал тот. — Это ж надо додуматься: баранку на шею повесить! Умная ворона...

— Больше, чем умная, — сказала развеселившаяся продавщица, провожая взглядом улетающую птицу. — От ума и горе бывает. А эта ворона жизни радоваться умеет! Вы вот, простите меня за замечание, унылым пришли, а теперь даже повеселели... Значит, не впустую вороний урок прошел... Почаще улыбайтесь, не будьте таким хмурым! Руки-ноги целы, голова на плечах, не голодаете, в кошельке то-се имеется — и не стоит унывать! С вас три рубля девяносто девять копеек. Вот вам ваши помидоры, кушайте на здоровье — и радуйтесь!

«ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ»

— Смотри, опять Гришка в магазин пошел! — пытаюсь найти тему для длинного разговора, сказала мужу жена, когда они вышли на прогулку.

— Ну и что с того? Пусть идет куда хочет, — сказал неразговорчивый муж и перед тем, как надолго замолчать, добавил: — Большой человек... Несчастный... Умственно отсталых из жизни не выгоняют.

— Так он же опять будет деньги вместо хлеба голубям разбрасывать... А их пьяницы подберут и посмеются. Потом еще и матери его скажут: «Зинка, в следующий раз давай Гришке денег побольше»...

— А ты чего чужие деньги считаешь? Не твое это дело, — угрюмо упрекнул муж жену.

— Ладно, не мое, — по привычке согласилась, замолчала.

В это время Гришка, выйдя на дорогу, ведущую к магазину, начал раскладывать денежные бумажки, обращаясь к стайке птиц:

— Кормитесь, голуби! Кормитесь, милые!

Голуби, как водится, не реагировали: это же не крошки хлеба, за которые и подрасться можно, деньги голубям — ни к чему.

Зато, как по сигналу, в утреннем тумане возникли те, кто реагировал быстро. Со стороны магазина к Гришке потянулась подвыпившая компания, которую подгонял самый сильный из друзей по кличке Вожак:

— За мной, «голуби»! Кормилец пришел... Готовьтесь к полету, «птицы небесные»!

Подобрав все деньги, аккуратно разложенные Гришкой, дружная компания вернулась к магазину, и Вожак, расторопно сбегав за новой бутылкой, громко сказал:

— Ну что, бухалы? Айда ко мне!

Целый день и вечер в квартире Вожака сплоченно пили, дымно жарили яичницу за яичницей, до одури курили и дико орали песню «Извозчик». К полуночи, громыхая дверью Вожака, шумно разошлись по домам.

К вечеру соседка, жившая этажом ниже, тяжело отрезвев — приняла активное участие в «полете», — безоговорочно потребовала, чтобы молчащую дверь Вожака взломали, потому что он самым беспардонным образом затопил водой ее квартиру. И когда некий мастерской по ее указке вскрыл хлипкий замок, оказалось, что сраженный роком Вожак лежит на полу в невменяемом состоянии, а из открытого крана в ванной хлещет вода, которая уже изрядно затопила коридор, кухню и добралась до зала.

Елена ПОПОВА

САГА

Рассказ

Вообще, у меня неплохая память. Но все-таки избирательная. Думаю, как у всех. Что-то я помню лучше, что-то хуже, что-то не помню совсем. Даже независимо от того, когда это событие было — давно или недавно. Если мне говорят: «Неужели ты этого не помнишь?» — я думаю, я просто была сосредоточена на чем-то другом. Да, для меня это было не в фокусе. И так все. Дни, события исчезают одно за другим, все тонет в водах времени... Кому-то это сравнение покажется банальным, но ведь точнее не скажешь.

Прах сестры... в белой урне подписанной золотыми буквами с вензелями несколько дней лежал в гостиной под диваном. Кроме меня, никто об этом не знал, а если бы узнали — муж или дети — представляю, в какой ужас они бы пришли.

Я после всего уже не была в ужасе и даже спала без снотворного, сны мне не снились.

Через несколько дней я все-таки дозвонилась второму мужу сестры и по интонации, и по тембру голоса поняла, что он так и не просыхает со дня кремации.

— Ну что? — сказала я буднично. — Это же не может продолжаться до бесконечности. У меня под диваном не колумбарий.

— А что ты предлагаешь? — расслабленно отозвался второй муж сестры.

— Сделаем, как она хотела.

— Ну... — промычал он нечленораздельно.

— Возьми какой-нибудь инструмент, возьми нож... только не забудь...

Из крематория я везла урну на такси, а теперь села на троллейбус. Она была очень тяжелая. Почему прах такой тяжелый?

Муж сестры встретил меня на остановке. Он почти не шатался. И был скорее подавлен и утомлен, чем возбужден. Под курткой он держал большой хозяйственный нож. Мы вышли на берег искусственного канала. Руки у второго мужа сестры дрожали, и он с большим трудом вскрыл урну. Это продолжалось долго, я ему не помогала. Потом с трудом открыл сдавленный зажимом мешок с пеплом. Пепел, серый и сухой, напоминал тончайшую золу, словно это были сожженные крылья бабочек...

Исчерпав силы, второй муж сестры сел на мокрую после дождя траву и заплакал... Я посыпала пеплом траву поодаль от него, а осталь-

ное, размахивая мешком и одновременно встряхивая им, высыпала в канал, подальше к середине, где было заметно какое-то движение воды, напоминающее течение.

День стоял малоподвижный. За каналом не то чтобы скорбно, а как-то совсем прозаично шли в ряд дома скучного микрорайона.

Вот собственно и все.

Жизнь совсем простая штука. Это потом фантазия, поэзия, опьянение бытием. А на самом деле — два кольца, два конца, а посередине гвоздик.

Дочь сестры, моя двоюродная племянница — сестра была двоюродная — улетела сразу после кремации. Простились сдержанно.

С сестрой мы не были близки, но так случилось, что я оказалась самым близким ей человеком. Ушла ее мать — ласковая, большая, теплая медведица, моя любимая тетя Нина, ушел не любимый ни ей, ни мною ее отчим. Разбрелись ее мужчины... От маленькой ее сестрички, умершей в младенчестве от страшной тогда болезни менингит, остался крошечный выцветший портретик... А была ли она?

Я навещала сестру каждую неделю. Она находила у себя все новые болезни, много лежала, ленилась... Из дома почти не выходила. Несколько раз в неделю у нее появлялась знакомая женщина, приносила продукты, убирала и готовила... Сестра дошла до того, что ленилась сварить себе яйцо. И на моих глазах как-то доедала третьего дня суп с посиневшей картошкой.

Когда я приходила, она обычно лежала на диване, укрывшись пледом, а я садилась напротив, в противоположном углу комнаты, в продавленное кресло, оставшееся еще с прошлых времен, немного даже проваливаясь в него. Сестра все грозилась его выбросить, но до сих пор так и не выбросила. Разговаривать с ней было трудно. Люди ей были неинтересны, чтение утомляло. Какой-то отблеск чувств у нее еще оставался к дочери и внуку, но они были далеко и не могли, да и не хотели разделять с ней свою жизнь, как и она не хотела бы разделять с ними свою.

Как-то она сказала: «Ну что ты приходишь и сидишь... Мы могли бы поговорить и по телефону».

Я стала приходиться реже, наши телефонные разговоры продолжались не больше нескольких минут, и сестра все больше погружалась в серый вязкий туман, где не слышно пения птиц и человеческих голосов.

Первым в наш город приехал мой отец, за ним потянулась тетя Нина с семьей, его сестра.

В детстве мы с сестрой повели много времени вместе, встречались на семейных праздниках и вообще праздниках. Отец и тетя Нина, оба большие, шумные, теплые, верховодили за столом, заставленным бесконечными блюдами с едой — жены военных не работали и увлекались кулинарией. Сидели долго, пели, танцевали... А мы с сестрой и еще с кем-нибудь из детей сидели за детским столиком в углу, неподалеку от взрослого стола, или в соседней комнате.

Потом наши встречи стали реже — на свадьбах и похоронах, бывало вообще подолгу не виделись. Как-то я зашла к ней — повода не помню, может, и просто так... Ее второй муж, тот, с которым мы развеивали ее прах, вернулся из редкой тогда заграничной командировки, и вся кухня была заставлена пакетиками и свертками. Делиться, в отличие от тети Нины — та готова была отдать все, — сестра не любила, но угостила немного. Отрезала от темного жесткого куска мяса кусочек — хамон.

Анатолий ШУРПИН

О ЧЕМ, СКАЖИ, ПЕЧАЛЬ ТВОЯ?

Стихи

Скользят невидимые сани,
Скользят по мокрым мостовым.
Над привокзальными часами
Парит и плачет серафим.

И горький снег с небес слетает
В безмолвных образах святых
И на губах горячих тает
И на твоих, и на моих.

Вечерний свет целует клочья
Воздушных лент над головой,
И пахнет пряным от лоточниц
Вином, мускатом и халвой.

И вдоль расписанных фасадов,
Едва касаясь кромок луж,
К Екатерининскому саду
Спешат переселенцы душ.

Вздыхают бронзовые вдовы
И ждут весеннего дождя,
И все как будто стало новым
И для меня, и для тебя,

И для седого менестреля
С хмельною скрипкой у моста...
Ведь мы еще с тобой успеем
Дать отдохнуть своим устам,

Но не сейчас... В ночной истоме
Весь город любит и любим...
И только там, в немом проеме,
Парит и плачет серафим.

Наталья ЛОБЕЕВА

НЕИДЕАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Рассказы

СОКРОВЕННЫЕ ЛЮДИ

Маша — самая обыкновенная студентка. Она такая взрослая, ведь совсем недавно ей исполнилось двадцать!

В тот день она очень волновалась. Это и понятно, ведь ее впервые пригласили на мероприятие такого уровня. Нужно было не просто приехать в Москву с рукописью своего рассказа. Нужно было лично прочесть свой текст. Кратко рассказать о себе, немного об истории создания текста и затем прочесть сам рассказ. А публика представлена самая уважаемая. И жюри самое строгое. Среди них был и этот человек. Его звали Алексей Петрович, филолог, журналист, один из основателей малого литературного музея... Это он заметил Машу, ее талант, прочел несколько опубликованных рассказов и пригласил на конкурс. Маша впервые на сцене перед микрофоном. Пальцы становятся липкими от волнения. Голос будто чужой и звучит отдельно... Начинает она робко и тихо:

— Здравствуйте, уважаемые члены жюри, добрый день, уважаемые присутствующие! Меня зовут Мария Красовская, я — студентка факультета искусствоведения Московского государственного университета...

Голос. Голос не слушается и продолжает быть чужим и неподвластным. Надо как-то сказать спасибо Алексею Петровичу, ведь это он помог ей, всего лишь студентке. Только благодаря ему она сейчас на этой сцене. Но как это сделать? Не называя конкретного имени, не напрямую... Маша открывает рукопись своего рассказа. Это не тот рассказ. Это не то, что она собиралась читать. Она собиралась прочесть рассказ о семье, о том, как важно... Но неужели она все перепутала? Оба лежали в одной и той же папке. По объему они совершенно одинаковы.

Текст плывет перед ней. Но всего лишь мгновение. Это же ее шанс! Это ее «спасибо» Алексею Петровичу! Голос начинает звучать увереннее и сильнее, становится послушным...

— Вы знаете, я не люблю хвалить себя, рассказывать всему белому свету, какая я хорошая и прекрасная. Но сегодня хочу сказать несколько слов. Некоторые мои знакомые писатели очень любят говорить о себе, демонстрировать свое творчество, свои достижения и при этом как-то

не очень часто упоминать о творчестве других. Но я знаю и другую позицию. И человека, который ее придерживается. Надо просто и тихо работать. Говорить о других. Уметь радоваться успехам других. Это сложно. Не каждый так сможет. И тут мне вспоминаются слова из песни христиан евангелистов: «Смотри и будь таким же. Смотри и делай то же».

Нет, я не сравниваю человека с Христом. Но Христос дает мне людей... Не просто людей. Лучших. Я называю их «сокровенные люди»... Итак, мой рассказ так и называется «Сокровенные люди»:

«Молодость — это время открытий. Открываются не только новые горизонты, но и новые люди. Каждый день ты встречаешь новых людей, и каждый человек становится твоим собственным открытием. Но среди всех есть те, кому доверяешь свои самые хрупкие тайны, к которым приходишь за советом. Мнение их — твоя драгоценность. И это не обязательно родственники...»

Голос плыл. Голос плыл, словно могучая птица, что обнимает небо белоснежными крыльями. Она не успела закончить читать. Зал аплодировал долго. Многие лица словно осветил внутренний свет. Маша стояла и не верила собственным глазам. Она не сразу поняла, что заняла третье место на конкурсе...

В ЧЕМ ЕГО ВЕЛИЧИЕ?

Маша совсем недавно стала вести дневник. Она — молодая учительница. Остались в прошлом студенческие годы. Маша стала другой: холодной, замкнутой. Нет больше той открытой, общительной, наивной, доверчивой... Все подруги разъехались по разным городам. Маша теперь поняла, как она одинока. Единственным «другом» стал личный дневник, и приходили воспоминания о тех студенческих временах... Все эти годы она любила одного человека. Но только сейчас у нее словно глаза открылись...

Вот так выглядит эта история на страницах дневника:

«...через неделю нашего общения я написала ему, что хочу что-нибудь опубликовать о нем как о человеке, чтобы «сделать его знаменитым».

2012 год.

«Нужно сказать всем, что ты, Эдя — Великий человек! Твое имя должно жить в веках», — это мои слова.

Величие следовало придумать. Зачем? Зачем мне все это было нужно? Это обыкновенный, среднестатистический студент факультета естественных наук БГПУ им. М. Танка. Таких много. Курить, пить пиво и рассуждать о том, что было бы, если бы он один владел всей планетой... Да, прочел шесть произведений М. А. Булгакова и столько же Н. В. Гоголя. Но только тех, что были связаны с мистикой и ужасами: «Театральный роман», «Роковые яйца», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Вий»... Я должна была спросить себя саму: почему именно их? В Господа он не верит, для него славянское язычество — основа мировоззрения. Везде эти непознанные сущности сквозят из щелей. Ради них, непознанных сущностей, прочел. Я спрашивала у него об этом. Так и сказал: ради них. Ничего другого не увидел!!! Как жаль!»

«Летом 2013, спустя год, из нашей с ним переписки я «выцепила» отдельные слова и фразы. Создала отдельный текстовый документ, который назвала «Цитаты Эдуарда Валерьевича». Сейчас я спрашиваю себя: «почему так пафосно? Для чего эта высота, которой нет?»

Нина ДЕДЛОВА

ЖИЗНЬ НОВЫЙ ВЫСТРОИТ СЮЖЕТ...

Стихи

Мы прорастаем сквозь вчера
В святые дни и вечера
И в чьи-то мысли.
Падет листок календаря,
Займется новая заря,
И счастье брызнет.
Прорвется в души теплый свет.
Сквозь толщу ускользнувших лет
Шагнете в завтра.
Жизнь новый выстроит сюжет,
Счастливый вытащив билет
За миг до старта.

Сошлись мечты и тысячи примет
На тоненькой сосулечке под крышей.
А солнце за окном весною дышит
И укрепляет наш иммунитет.

Ни кучи снега вдоль дорог и стен,
Ни лужи с коркой льда — ничто не важно.
А важно, как весна идет бесстрашно
С охапкою счастливых перемен.

Как солнце заплясало в небесах,
Как засветились лица от улыбок!
И юный март, беспечно сделав выбор,
Весенними надеждами пропах.

ПОЭЗИЯ ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

Заблудиться в рассвете, в росе искупаться
И умчаться за счастьем, обо всем позабыв.
И на глади морской станцевать с ветром сальсу
Или просто придумать веселый мотив.

Анна ЛЕО

СТАРОМОДНАЯ
ДЕВИЦА,
ИЛИ ЕЩЕ РАЗ
ПРО ЛЮБОВЬ

Повесть

Эта история могла произойти в любом городе мира, потому что в соответствии с классификацией современной психологии все человечество делится на одинаковые черты типов личности.

Пустая любовь в обычной жизни — в ней есть только грань обязательств (купить продукты, забрать детей из школы, починить кран), но нет ни близости, ни страсти.

Ираида Фиалковская была очень красива. Есть такие лица, от которых невозможно отвести взгляда, они завораживают. И хочется смотреть и смотреть, как на что-то удивительное! Чтобы описать внешность девушки, нельзя обойтись без штампов, позаимствованных из классической литературы. В те времена знали толк в истинной женской красоте! Высокие скулы и чистый лоб, большие глаза миндалевидной формы темно-зеленого цвета, и пухлые, четко очерченные, нежные губы, где над верхней, в левом уголке, темнела небольшая родинка. Волосы редкого пепельного цвета, которые из-за мелких кудряшек напоминали шар отцветающего одуванчика. Длинная шея, покатые плечи, тонкая талия и стройные ноги. Она не шла, она парила. Царица! Не подходите!

Но, конечно, подходили — и на улице, и в метро, и в кафе. Молодые и не очень, скромные и потертые жизнью и бытом мужчины с привлекательными, на их взгляд, предложениями — сняться в кино, стать супермоделью, поучаствовать в конкурсе красоты и, наконец, просто познакомиться.

Но не это было главным. Ее движения: поворот головы, взмах руки, походка — все было удивительно мягким и женственным. Эта девушка излучала чистоту. Когда Ираида что-то рассказывала, объясняла или просто говорила, то ее взгляд начинал светиться теплыми зелеными

лучиками, и вы просто растворялись в ее глазах, которые смотрели только на вас, как на самого интересного и значимого человека в этом мире. Милые ямочки появлялись на лице каждый раз, когда Ираида улыбалась. Необъяснимый свет исходил от нее, мягкий, обволакивающий.

Внешний вид не всегда бывает обманчив. Душа Ираиды была наполнена величиим — в ее жилах текла польская кровь. А кто может похвастаться спесивостью и гонористостью больше, чем польская шляхта? От далеких польских предков девушке, проживающей с отцом, отставным капитаном полиции, в двухкомнатной квартире блочного дома, неподалеку от станции метро Войковская, передалось ну в очень большом количестве одно качество — самолюбие.

Мать она потеряла в десять лет. Женщины народ терпеливый, потому что у них всегда что-то болит. Болит, ну и болит...

Бабушка Ираиды — Станислава Карловна обвинила в смерти дочери зятя, Андрея Петровича, что тот из-за своей мягкотелости не смог настоять на том, чтобы вовремя отправить жену в больницу. Двадцать первый век, а человек погибает от элементарного аппендицита!

Да что взять с человека по фамилии Кузьмич?!

Отец как будто «споткнулся» о тот день, когда похоронил жену, он как бы замер в своем горе. Андрей Петрович заботился о дочери: кормил, одевал, снабжал карманными деньгами — и все это было правильно, но Ираида ощущала холодность и отстраненность отца.

Никто мужчине не пытался советовать, как надо правильно воспитывать девочку, а мать Андрея Николаевича, девяностолетняя старушка, давно уже находилась в придуманном мире.

Другая бабушка, Станислава Карловна, еще в конце девяностых уехала в Америку. В России она считалась первоклассным врачом-кардиологом, защитила кандидатскую и готовила докторскую, но мизерные зарплаты и неопределенность существования в будущем не только себя, но и своей Родины, подвинули ее и еще двух приятельниц поискать применения своим знаниям в другой стране. В двухтысячные годы с новой силой всколыхнули пассионарии, возникла возможность обрести новую Родину, поэтому найдя более-менее удобоваримую программу и оплатив услуги посредников, они направились в США.

Станиславе Карловне пришлось начинать практически все сначала. Стиснув зубы, она убирала дома у русскоговорящих эмигрантов, переселенцев начала семидесятых. Она со своим дипломом не могла устроиться даже санитаркой. Хорошо, что женщина хоть легально находилась в стране. Она выбрала самую долгую и дорогую программу обучения, поэтому ей потребовались не только хорошее знание языка, но и деньги, потому что каждый этап подготовки требовал немалых средств и отличных баллов. В общей сложности Станислава Карловна потратила три года на всевозможные экзамены, поднимаясь по лестнице удачи вместе с бессонными ночами и тяжелым физическим трудом. Но настал тот день, когда мисс Фиалковская получила приглашение в одну из клиник, специализирующихся на сердечно-сосудистых заболеваниях. Владелец, индус по происхождению, быстро оценил навыки и знания нового сотрудника, и вскоре и зарплата, и бонусы у Станиславы Карловны стали не только большими, но очень большими. Она купила двухэтажный дом в пригороде Нью-Йорка, шикарную машину и работала по двенадцать часов. Замуж за соотечественника она не хотела, а американский мужской менталитет ей претил. Если тебе чего-то не хочется, то всегда можно найти отговорку.

Елена АФАНАСЬЕВА

КАК УДАР МОЛНИИ...

Рассказ

Встречаются две подруги. Одна восклицает:

— Как ты хорошо выглядишь!

— Да, я недавно вышла замуж за итальянца — такой потрясающий мужчина! Теперь только за итальянцев стоит замуж выходить.

Очередь — за женщиной! Как такое может быть? Ситуация занимательная, удивительная и даже невероятная!

Вот, помнится, в советские времена были всякого рода очереди в магазинах — за колбасой, за импортной обувью, за книгами, за бельем, за туалетной бумагой... Тогда почти всё было «в дефиците». А вот очереди за женщинами — скажем, на танцах, на пляжах, в парках, в ресторанах, в бюро знакомств и т. п. (ну, это я сама прикинула места, где мужчины могли бы потолпиться, ухлестывая за дамами) — там очередей не было. Ведь женщины у нас не «дефицит», даже очень красивые!

Глупая шутка, извините. Тем не менее...

Вот в Италии — всё наоборот! В ней испокон веку не было очередей в магазинах, зато красивые женщины ценятся настолько...

Впрочем, всё по порядку.

Моя итальянская подруга Росселла во второй раз привозит меня в «Средиземноморский» — огромный танцевальный зал в нескольких километрах от Милана. Здесь мы с нею впервые побывали несколько дней назад. Увы, я тогда по недоразумению рассталась с понравившимся мне кавалером. По этой причине мои впечатления от первого посещения итальянской «танцплощадки» оказались противоречивыми, но в целом они были все же захватывающими. Только стоило мне в зале появиться, как возле меня сформировалась толпа из кавалеров, желавших пригласить меня на танец. Мужчины выстроились в вежливую очередь и нетерпеливо ждали моего выбора, при этом каждый из них тем или иным способом пробовал привлечь мое внимание: кто-то широко и открыто улыбался, кто-то весело подмигивал, а кто-то вполголоса твердил веселый, но, безусловно, пристойный комплимент. Очень интересное и весьма приятное для женщины положение. Казалось бы, в нем нет минусов. Но это только на первый взгляд. На деле сразу же возникает

куча проблем, и «прекрасное положение» оказывается весьма затруднительным. Ведь когда нет выбора — тогда всё просто. А когда «выбор» очень широкий и разнообразный?.. Ну, как сориентироваться в условиях, когда перед тобой в наличии прекрасный «ассортимент» из дюжины элегантных, породистых и очень воспитанных итальянских мужчин?!

Так что прекрасная дама (то есть я) сразу крайне растерялась... Вот кого из этих кавалеров предпочесть? С кем немедленно пойти танцевать? С кого начать и кем... закончить? Какие у них тут правила? Мне следует начать танцы с первым мужчиной, стоявшим в очереди? Или я могу выбрать того, кто мне больше нравится? А кто мне больше нравится? Как толком рассмотреть этих мужчин, если в зале приглушенный свет — фактически полумрак. К тому же и рассматривать их нету времени: музыка играет — танец начинается. Потом я ж не на базаре, в конце концов, где конями торгуют!

А когда я пойду танцевать с одним, то что в это время будут делать остальные? Они будут меня дожидаться? Будут снова приглашать — на следующий танец? Возможно, уйдут искать другое, более лояльное дамское общество? И что тогда? Ищи-свищи ветра в поле? Может, при поспешном выборе я утрачу свой единственный в жизни шанс на настоящую любовь?..

Пожалуй, я так далеко и сложно не зашла в своих размышлениях — в те короткие минуты принятия решения. Тем не менее сразу стало понятно, что... ничего не понятно. Вот можно было бы поинтересоваться у Росселлы, какой тут у них этикет, так она, как назло, удалилась — ушла в бар за каким-то питьем.

Думать было некогда, и я принялась танцевать со всеми мужчинами подряд. Точнее — как придется... Кавалеры менялись, чередовались, а я путалась в поклонниках и вконец запуталась! Устала со всеми флиртовать, устала стараться всем нравиться и при этом выяснять, определять и понимать, кто же при этом мне самой нравится больше прочих. Итальянские мужчины — они все такие галантные, такие обходительные и культурные! Они улыбочивые и умные — не городят всякую чушь от балды, а умеют выстроить во время танца беседу интересную и деликатную, пусть короткую. Они все — непьющие, и даже слабого запаха алкоголя не услышишь ни от кого. Пить спиртное в Италии не принято — нет такой традиции, а если заглянуть в бар танцзала, так там и нет никого — пусто, хотя по «бонусу», который прилагается ко входному билету, можно получить порцию любой бесплатной выпивки: от виски и джина до любого вина. Однако если кто-то и заходит в бар, и берет что-либо на свой «бонус», так это фруктовый сок, кока-колу или просто чистую питьевую воду. Похоже, что только я одна в этом зале наслаждаюсь видом своего бесплатного «Мартини» в бокале со льдом. Ну а Росселла — она расположилась за низким столиком напротив меня и пьет свой любимый апельсиновый сок. Тоже со льдом. По стоимости ее сок в пять раз дешевле моего «Мартини», но тут никто мелкую выгоду не ищет и не подсчитывает — каждый сообразуется лишь со своими вкусами и желаниями...

Помимо того, что итальянские мужчины не пьют, они и матом не ругаются. Кто-то может задаться вопросом, а существует ли в итальянском языке мат как таковой — присутствует ли он, допустим, в бытовой речи? Зафиксировать такой факт, то есть матерщину в разговоре, я за время своей работы в Италии не смогла, хотя недели и месяцы моего пребы-

вания в этой стране постепенно сложились в годы. Зато я легко пришла к выводу противоположному: что любые бранные, очень грубые слова в итальянском социуме — это редкость и это удел весьма низкопробной культуры, соотноситься с которой здесь не престижно и не выгодно. Так что народ волей-неволей следует приличиям, то есть соблюдает достаточно жесткие правила поведения, продиктованные этикетом. Итальянский этикет — это реально серьезная штука, это важнейший регулятор — дирижер социального поведения всех тех мужчин и женщин, которые стремятся отнести себя к сословию сеньоров и сеньор — людей благородных, великодушных, снисходительных, величественных. К этому высокородному сословию заведомо причисляет себя любой средний здравомыслящий итальянец, что вынуждает его быть весьма осмотрительным в своих словах и действиях. Само собой, итальянский светский этикет исключает употребление арго и всякой матерщины как в «наружном», так и во «внутреннем», домашнем, пользовании. Вот даже наедине с собой воспитанный итальянец не решится ругаться благим матом, к тому же он попросту к нему не привык — не слышал, не видел и к нему не адаптирован.

Явившись на танцы в «Средиземноморский», я уже имела некую картинку в голове о среднестатистическом итальянском мужчине, и эта «картинка» выражала мое о нем прекрасное мнение. Только вот до сего вечера занимательный мир итальянских мужчин находился на достаточном от меня отдалении, но сегодня он приблизился вплотную, поскольку уже очередной восхитительный итальянский кавалер склонился передо мной в галантном поклоне, приглашая на танец. Этот кавалер чист, опрятен, элегантен, от него веет хорошей туалетной водой. Ах, мне безумно нравится, что мужчины здесь следят за собой, что одеты они со вкусом и дорого — не жалеют денег на хорошую кожаную обувь, на фирменные рубашки! Этот кавалер, танцуя со мной, ведет себя тактично и деликатно, старается мне угодить милой беседой, так что я могу расслабиться и полноценно насладиться собственно танцами — могу оценить своих кавалеров прежде всего как танцоров, как партнеров по танцам. И в этом отношении можно отметить довольно много положительных моментов. Например, итальянские мужчины на танцах не трясутся, как осина под ветром, не влипают в тебя тяжело и сладострастно, словно ты их единственная опора, без которой они грохнутся на землю, не норовят ощупать тело, а — танцуют! Легко, элегантно, безукоризненно! Танцуют и вальс, и танго, и самбу, и румбу, и тем более — чачу. И даже джайв! Танцуют отлично — я едва справляюсь, чтобы в ногу попасть. Хорошо, что я когда-то закончила двухгодичные курсы бальных танцев. Только вот беда: воспользоваться пройденными курсами на деле за многие годы случая так и не представилось — а с кем же румбу выплясывать на наших-то танцульках? Так что на паркете я давно не тренировалась и многие движения подзабыла. Однако эти галантные ребята меня ободряют, поддерживают, развлекают изо всех сил: я ведь здесь новая красавица, и моя славянская внешность и стиль действуют на них завораживающе!

После первого взлета и головокружения от успеха я довольно быстро осознаю многие неудобства моего положения. Прежде всего сказываются издержки моей недостаточной танцевальной подготовки. Мне приходится быть крайне внимательной в танце, подстраиваясь под партнера, и на ходу вспоминать нужные па. А как следить за ногами и

не упускать нить беседы на иностранном языке? Поддержание привлекательного имиджа требует, так сказать, жертв. В общем, я всё время боюсь опозориться хоть с той стороны, хоть с этой, что держит меня в постоянном напряжении. Но не проходит и часа, а я уже вся без привычки запыхалась — «истанцевалась». Так и не только физически устала, но и психически. А толпа из замечательных кавалеров никак не тает... И это уже больше напрягает, чем радует.

Мне не хочется выглядеть невежливой, не хочется кого-то случайно обидеть, однако ж, и сатисфакцию оказать абсолютно всем тоже невозможно! Я начинаю пропускать танцы, чтобы отдохнуть и перевести дух. Теперь я отказываю всем кавалерам подряд, невзирая на лица. При этом некоторые из потенциальных поклонников явно огорчаются и даже обижаются, не понимая причины отказа, — ведь в зал сюда приезжают лишь те, кто уже хорошо танцует, а такие случайные искатели приключений, вроде меня, танцующие через пень-колоду, здесь вряд ли имеются. Мне мерещится уже, что я тут самая неумеха, к тому же в единственном числе...

В Италии тем, кто базовых танцев не освоил, прежде чем являться на такой вот танцевальный вечер, следует вначале пройти соответствующие танцевальные курсы. Так у них здесь принято. В общем, все сначала учатся. Курсы бальных танцев существуют при каждом танцзале, да и в других местах. Молодежь учат танцевать еще в школе, ну а на курсы приходят в основном люди вполне себе зрелые — средний возраст. Еще на танцевальных курсах много стариков и старушек, которые, овдовев, пытаются себя развлечь и попутно найти новое счастье...

Ну, а я, пробыв в «Средиземноморском» всего пару часов, так напряглась с непривычки, что мне уже белый свет был не мил. От необходимости ломать голову, принимая решение, кого из мужчин выбрать, кому отказать, кто из них лучше, с кем остаться и как не обидеть никого, стало нарастать раздражение. Так что я, в конце концов, разозлилась на себя и на всё вокруг и попросила Росселлу увезти меня домой. Мы уехали.

И все же лучше, когда стол ломится от изобилия, чем когда он пуст.

К такому выводу я прихожу в свое второе посещение «Средиземноморского».

На сей раз выбора нет вообще. День будний, а не выходной, как в прошлый раз, и народа в зале относительно немного, а привлекательных мужчин — так и вообще нет никаких. Я откровенно скучаю на своем диванчике, поскольку приглашения, поступающие от мужчин неказистых, маленьких, толстеньких, стареньких и т. п. меня заинтересовать не могут — я их все отклоняю. Подходящей партии нет и не предвидится. Кажется, пора собираться домой.

Но тут в зал входят два новых посетителя. Один из них — высокий, холеный, с усами и бородкой — сразу привлекает мое внимание. Поэтому я поднимаюсь с дивана и вслед за новоприбывшими мужчинами также направляюсь в бар: пожалуй, сейчас для меня самое время забрать свою бесплатную выпивку по входному билету. Бар совершенно пустой, и это отличная возможность продемонстрировать себя заглянувшим туда мужчинам, показаться перед ними во всей, так сказать, красе, дать себя хорошенько рассмотреть со всех сторон!

В итальянском танцзале существует ряд негласных правил. Дамы обычно сидят за низкими столиками на мягких диванчиках, располо-

женных в шахматном или ином порядке в уютных затемненных уголках зала. А кавалеры прохаживаются между рядами диванов, выбирая себе даму для танца. Если фланирующий кавалер даме понравился, она должна посмотреть на него пристально, и тогда он пригласит ее на танец. Конечно, если симпатия окажется взаимной. А еще дама может привлечь кавалера, если сама пройдет мимо него и задержит на нем свой взгляд. Но на танец она не приглашает никогда. Что касается меня, так я, с любопытством рассматривая зал и всех в нем, по неосторожности задевала своим взглядом разных мужчин, что привлекло ко мне несколько нежелательных кавалеров. Так что, в конце концов, мне пришлось рассматривать всех мужчин украдкой, из-под ресниц...

Мне очень понравилось то, что в итальянском танцзале мужская и женская роли реализуют себя в полной мере. Мужчина не жеманится, не кокетничает, не ждет ухаживаний, как в родной Беларуси, он ухаживает сам: выбирает, приглашает, действует активно и наступательно. Женщина, напротив, является стороной пассивной, принимающей ухаживания, правда, она тоже не лишена своего волеизъявления хотя бы в том, что свободна принять или отклонить выбор мужчины. Впрочем, она действует и выбирает так же — только взглядом.

После танца кавалер должен откланяться и удалиться, он не имеет права задерживаться возле дамы, если только она сама не предложит ему присесть рядом.

Я, к сожалению, об этих правилах узнала с некоторым опозданием и потому при первом своем посещении «Средиземноморского» не задержала возле себя понравившегося мне кавалера — не предложила ему присесть рядом. Так что он потоптался возле меня пару минут и испарился, чем удивил меня несказанно. Ведь я не сомневалась, что ему понравилась, и я была уверена, что после танца он останется возле меня и продолжит ухаживания! Наверняка, так бы и произошло, если бы танцы состоялись на родной территории. Но только тут, в Италии, свой устав, и мне, увы, не хватило нужных знаний, чтобы продолжить приятное знакомство. Позже, уже в машине по дороге домой, Росселла поинтересовалась у меня, почему я не предложила этому мужчине составить нам компанию на диване. Она рассказала, что отвергнутый поклонник долго сидел напротив нас в некотором отдалении и сверлил меня своими черными глазами. Достаточно было взгляда в его сторону! Но... Я по сторонам уже не глядела: передо мною толпилась куча новых поклонников! Мужчина смотрел на меня, смотрел, а потом поднялся и ушел из зала...

Больше я его не видела никогда, хотя надеялась... Вот и в этот раз я упростила Росселлу привезти меня в этот зал снова, вдруг он тоже будет...

Росселла... Любезная и доброжелательная итальянка — такая же, как все мои прочие итальянские знакомцы из небольшого местечка Мизинто, расположенного в двадцати пяти километрах к северу от Милана. В этот городок я привезла на оздоровление группу белорусских детей из чернобыльской зоны, загрязненной радионуклидами. Поездку организовал итальянский благотворительный фонд, а я — переводчик и руководитель группы. Отношение ко всем нам здесь самое доброжелательное, и всё же Росселла, в сравнении с прочими итальянцами, отличается намного большей открытостью и искренностью. Сдружились мы с ней быстро, прочно и неслучайно: ведь мы не только в один год, но чуть ли не в один день родились. Мы и характерами похожи, и интересами, хотя

внешне отличаемся довольно разительно: Росселла — невысокая, полноватая, немного рыхлая женщина с короткой небрежной шевелюрой каштановых вьющихся волос. У нее правильный носик и светло-карие глаза навывкате. Что касается ее внешности, так я ее убеждаю в том, что она в этом отношении, пожалуй, несколько более типичный представитель Рака, чем я, например. Ну, если исходить из того, конечно, что пишут в астрологических книжках. На этот счет Росселла шутит весьма отважно: «Слава богу, что я всего лишь лупоглазый Рак, а не лупоглазая жаба!» В общем, Росселла — веселая и легкая на подъем пампушечка, а те недостатки внешности, по поводу которых она, кажется, переживает, компенсируются ее беспечностью, щедростью и широтой души. Что же касается меня, так я больше всего ценю свою итальянскую приятельницу за чуткость и понимание, поскольку она, видя мое зависимое положение в этом местечке, берется меня опекать и поддерживать, как самая настоящая мать-Ракиня. Она повсюду таскает меня за собой и пробует развлечь всеми возможными способами. Вот и в танцзал предложила наведаться. Правда, у нее здесь и свой интерес. По всему видно, что в «Средиземноморском» она ориентируется как завсегдатай. Моя подруга замужем, но отношения с мужем то ли распались, то ли на грани. Несмотря на то, что все внешние приличия благополучной семейной жизни соблюдаются, Росселла сознается, что с мужем ее связывает лишь общий дом, который она хотела бы у него отобрать, отправив на все четыре стороны (или к родителям), да две дочери-подростка: Россанне восемь, а Мириам десять лет. Росселла рассказывает мне, что в «Средиземноморском» у нее однажды состоялась трогательная романтическая история. Увы, страстный роман закончился бесславно, поскольку в конечном счете любовь уперлась в финансы и жилье...

Когда Росселла узнает, что я в разводе, она без колебаний превращает меня в свою наперсницу, а заодно пытается по-женски помочь мне найти свое счастье в Италии. Вот таким образом я и оказалась в «Средиземноморском» — сначала в первый раз, а затем и во второй...

Ну, во второй раз я действовала уже решительно и умело — по правилам. Заметив красивого итальянца, я поднялась с дивана и последовала за ним и его приятелем в бар. Однако мой путь через весь огромный зал был значительно длиннее того, который проделали мужчины, двигаясь в ту же точку от входной двери. И потому мы едва не разминулись. Я была еще только на подходе к бару, а они уже из него вышли — было очевидно, что они там ничего не взяли. Таким образом мои расчеты сорвались, ведь я полагала, что мужчины задержатся у барной стойки, ожидая, пока подадут выпивку, а я тем временем успею явиться туда тоже и привлечь к себе их внимание. Увы, возможность была упущена — мужчины в баре не остались, а сразу вышли из него и уже двигались мне навстречу, о чем-то беседуя. Более того, на мою беду, понравившийся мне мужчина говорил с приятелем, опустив глаза в пол, так что я поняла, что меня он не увидит и мой незамысловатый маневр окажется однозначно холостым выстрелом.

По счастливому стечению обстоятельств мужчина поднял глаза в момент, когда я к нему подошла почти вплотную, и тут он встретил мой прямой взгляд — открытый, искрящийся, с веселой усмешкой. В ту же минуту я чуть не рассмеялась, ибо итальянец от неожиданности оторопел — он замер на месте как вкопанный! Чего-чего, а этого он не ожидал: ни меня — такой, ни взгляда моего — такого! Всё же итальянские дамы,

ограниченные строгим этикетом, не позволяют себе таких откровенно-игривых взглядов!

Взяв коктейль, я вернулась к своему дивану — мужчина следил за мною глазами. Готов!

Заиграла музыка. Я приняла красивую позу и, вальяжно раскинувшись на диване, принялась ждать. Однако статный красавец не подошел. Тут я удивилась и всерьез обеспокоилась: неужели все мои маневры и подходы оказались ненужными и напрасными? Неужели всё было мимо цели и я на сей раз промахнулась? Или у него уже есть женщина в этом зале?

Начался второй танец, но и он не принес ожидаемого результата, а одно разочарование: понравившийся итальянец опять не пришел меня приглашать. Осознав свой провал, я расстроилась, захандрила и стала подумывать о возвращении домой. Видно, не судьба мне в этом зале встретить пару, да и просто повеселиться! И, пожалуй, не такая уж я и замечательная, как мне представлялось по результатам прошлого выхода в свет! В общем, поделом, а то привыкла к легкому успеху на «танцульках», возомнила себя неотразимой!

Снова заиграла музыка, но она уже меня не интересовала, я лишь прикидывала, как мне удобнее и незаметнее последовать к выходу. Когда оторвала взгляд от земли — обомлела: вот он! Стоит передо мной! Даже не сразу поняла и поверила, что приглашает на танец... Мы с ним быстро нашли общий язык — с этим красавцем, с Джузеппе. Он сразу мне признался, что не все танцы умеет хорошо танцевать — лишь недавно закончил курсы, и поэтому он медлил с приглашением — подбирал тот танец, который у него получался лучше. Что ж, два сапога пара! Мы протанцевали весь вечер, не слишком обращая внимание на правильность наших па, и договорились встретиться на следующий день.

По дороге домой Росселла принялась меня расспрашивать о моем кавалере. Она лестно отозвалась о всех моих действиях и заметила одобрительно:

— Молодец! Отличного парня подцепила! Какой красавец, одет с иголки — настоящий синьор! И машина у него хорошая — большая! Должно быть, и работа у него денежная.

Когда только она успела его машину заметить? Я так и не обратила внимания, к какому авто он подошел, хотя оно находилось где-то неподалеку от нас.

На следующий день с утра я с волнением настраиваюсь на встречу, готовлюсь к ней... Джузеппе приезжает на своем новеньком «BMW» и встречает меня у ворот дома с большим красивым букетом роз. Далее следует приятный вечер в ресторане, только мне становится все скучнее и скучнее. Такое впечатление, что говорить нам особо-то не о чем. Диалог развивается в следующем духе:

— Что ты ела на обед?

— Макароны с тунцом.

— А на ужин?

— Жаркое с картошкой и салатом...

— Видно, завтра снова будет хорошая погода.

— Пожалуй...

Разговоры про еду, про погоду — обычные, привычные, да и любимые для итальянцев темы разговора. Только мы у себя на родине не так и не о том разговариваем: говорим о себе, о своих интересах, делах и

мечтах, о важном и о личном! А у них это не принято и даже непозволительно: некультурно интересоваться личной жизнью человека, его делами и проблемами.

Вышли из ресторана, он предлагает поехать в гостиницу. Я отвечаю: «Нет». Чуть не взвилась от возмущения, процедила: «Да кто ты такой для меня — во второй раз вижу!»

Все. Проехали!

Спать легла с неутраченной злостью в сердце: это ж надо так все испортить, так опошлить прекрасную романтическую историю! Ну и поганец! Я что ли должна бросаться в постель к первому встречному?! За красивый букет?! Или за ужин в рестаране?! Вот они, эти воспитанные итальянские мужчины! И никакой деликатности! Да. А так красиво всё начиналось! Такой чарующий вечер в танцзале! Такой изысканный букет цветов в итальянском вкусе и огромный! И дверцы машины открывает, и руку подает! Сам — красавец! А в конечном итоге получился «пшик»: никчемное, плоское завершение всей истории! Ее придется позабыть как можно скорее...

Наутро звонок. Спокойный, веселый голос, словно ничего и не произошло, словно я и не поскандалила вчера, сметая за собою все пути к отступлению... Приглашает вечером встретиться снова:

— Ну, не хочешь в постель, можем и так гулять...

Злость начинает постепенно рассеиваться:

— Я подумую...

— Я приезжаю за тобой к девятнадцати часам... У нас тут премиленький пивной бар имеется...

Прошло десять лет, и вот я снова с группой чернобыльских детей в местечке недалеко от Милана. Правда, уже не в том месте, где раньше, а по другую сторону от города. Поскольку группы детей, выезжающих за границу, за полгода распределяются между переводчиками, то я давно уже знала, что окажусь всего в нескольких километрах от памятного места, и это меня взволновало... Воспоминания всколыхнули душу — и я принялась писать рассказ о танцах в «Средиземноморском» и, конечно, о моей встрече с красивым итальянским синьором. Я вновь окунулась в события тех дней, соединившись с Джузеппе невидимой нитью. Душа вошла... Да что там вошла — она вонзилась в тот временной пласт, где состоялась памятная встреча, воскресив лучшие моменты совместно прожитых часов, так что захотелось вновь пообщаться с моим бывшим итальянским кавалером, ну или хотя бы просто с ним поговорить. И вот я решила, что в Италии я обязательно разыщу Джузеппе: мне ведь совершенно необходимо ему сообщить, что я ничего не забыла, что я о нем написала рассказ, что рассказ этот будут читать другие... Да-да, обязательно следует ему сказать, что он стал героем моего романа. И... его услышать...

Тогда, десять лет назад, после памятных танцев в «Средиземноморском» мы встречались каждый вечер на протяжении двух недель, которые оставались до моего отъезда в Беларусь. Мы незаметно сдружились, я постепенно привыкла к своему сдержанному кавалеру. И вот накануне моего отъезда мы все же поехали в гостиницу... Потом он вез меня домой и говорил: «С сегодняшнего дня ты — моя любовь!» Интересно, что он имел в виду? Что значили его слова, зачем он их мне сказал? Он решил тогда, что всё только начинается? Подытожил наши встречи, наши отношения и сделал из них вывод? Итальянские мужчины... Они обычно

такие непривычно практичные и рациональные, они крайне скупы на подобного рода признания! Но вот он ничего не пояснил — какая-то неразгаданная загадка...

Я вернулась в Минск со своей группой, и на протяжении нескольких месяцев мы перезванивались. А потом в какой-то день... Как-то мне стало не по себе... я звонить перестала.

Теперь я колеблюсь: звонить или не звонить? Столько лет прошло без всякой связи...

У меня имеется два его телефонных номера, и я набираю оба поочередно. Домашний телефон, конечно, не отвечает. От него либо отказались в пользу сотовой связи, либо... В том доме жила тогда его мать, он к ней перебрался после развода. Жива ли мать теперь? И что с этим домом нынче, чей он? Номер отбраковываю. Вот второй номер телефона явно рабочий, только трубку никто не снимает. При этом не понять, то ли номер отключен, то ли мне ответить не хотят. Отвечает автомат, который отсылает на голосовой ящик, только я хочу устроить Джузеппе сюрприз, поэтому на диктофон ничего не пишу: мне нужна живая реакция мужчины — ведь я собралась разыграть целое представление! Номер набираю в разные дни и в разное время — результат, увы, один и тот же. Похоже, со мной не хотят или боятся разговаривать, ведь мой номер абоненту не известен — все звонки я осуществляю с телефона, предоставленного мне благотворительным фондом. Я расстраиваюсь и злюсь: уж очень осторожничают итальянцы — намного больше, чем мои соотечественники!

До отъезда мне остается всего два дня. Я чувствую себя разочарованной и даже униженной. Не хочется с таким осадком покидать страну, и вот я решаюсь на еще одну попытку.

На сей раз ситуация явно поменялась: в трубке пошли гудки установленной связи. Я напрягаюсь. Трубку долго не снимают, но я терпеливо жду, и, наконец, слышу мужской голос: «Pronto».

Есть. Вот он.

— Здравствуй! Это ты, Джузеппе?

На том конце — заминка. По итальянскому этикету человек, который осуществляет звонок, должен сразу же представиться, и мой собеседник явно раздражен тем, что я этого не сделала. Кроме того, я первая задаю вопрос, намекая на наше знакомство, а голос мой он узнать не может, да и просто он не может представить, кто такая ему звонит... Всё это усиливает раздражение и недоумение на том конце провода: что за дамочка такая? Так он, наверное, думает. Не отвечая, спрашивает, кто ему звонит. Тон у него довольно резкий, но меня не пронять, и плевать я хотела на все этикетки, поскольку решила поиграть и потянуть интригу. Отвечаю:

— Твоя давняя знакомая...

Однако мой собеседник шутить и заигрывать не настроен, хотя некоторое любопытство я в его голосе улавливаю. Я же, напротив, удивлена той опаской и настороженностью, которые он проявляет в беседе со мною. Еще он дает понять, что если я буду тянуть время и не представлюсь, то он немедленно повесит трубку. Я объясняюсь в двух словах, и он сразу понимает, с кем ведет беседу. Голос его смягчается, но настороженность уходит не сразу: он не понимает, чего я от него хочу. Интересуется, чем я занимаюсь в Италии и с какой стати вдруг решила ему позвонить. Он полностью успокаивается лишь тогда, когда получает

мое пространное объяснение по поводу всех моих дел здесь. В этом объяснении отсутствует мое намерение с ним увидаться. Впрочем, я уже фактически на чемоданах. Еще мне мнится, что я неважно выгляжу, что я не в той форме, чтобы встречаться с давним моим кавалером и портить о себе впечатление. Пусть я навсегда останусь в его памяти ТОЙ и ТАКОЙ! Но об этом я ему не говорю. Мне важно сказать... В общем, я хочу, чтобы он знал, что я стала писателем и написала о нашей встрече. Вот пока писала — проникалась нашим прошлым, той нашей дружбой и близостью... Очень живо и болезненно его вспоминала... Написала все без прикрас — как оно было.

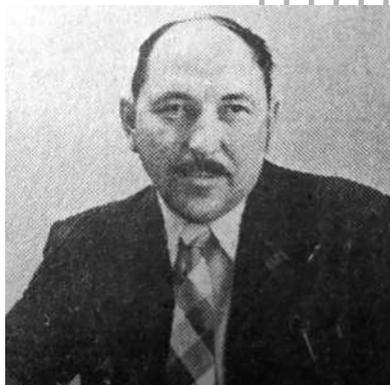
Рассказала. Лед тронулся. То есть, Джузеппе поверил. Это только с виду они такие жесткие — мужчины. Задела его за душу, тронула... И вот он уже вполне по-дружески расспрашивает меня о моих делах и рассказывает о своих. Я узнаю, что он женился четыре года назад (теперь понятно, почему он так осторожничает), а до брака встречался с нею на протяжении нескольких лет. Когда познакомился со своей второй женой? Ну, так десять лет назад. В общем, был весьма долгий роман... Все же после шести лет встреч он сказал ей: «Ну, сколько можно! Давай же, наконец, съезжаться!» Вот и съехались... В разговоре Джузеппе упоминает о том, что у его жены до брака с ним уже была семья. В этом случае мне легче понять ситуацию, которую ему с его нынешней супругой, скорее всего, пришлось пережить. Я знаю и понимаю итальянские законы по поводу разводных дел — сам Джузеппе мне некогда их подробно объяснял. В Италии никогда не разводят сразу по заявлению, как у нас, а лишь через три года после того, как супруги разъедутся по разным адресам. Этот момент фиксируется юридически, его называют официально разделением. При этом бывший муж, находящийся на разделении, продолжает материально обеспечивать свою бывшую жену, выплачивая ей алименты. Само собою, алименты выплачиваются и на несовершеннолетних детей. Вот таким образом итальянские законы охраняют права разведенной женщины, учитывая то, что в браке она обычно не работает, а является домохозяйкой. Три года разделения с выплатой алиментов (а ранее срок разделения был еще дольше и составлял пять лет!) дают бывшей жене возможность подыскать себе работу и найти новый источник существования, ибо после официального развода она уже все права на алименты утрачивает полностью. Также супруги, находящиеся на разделении, не имеют права вступать в новый брак, а только после официального развода. Еще наличие детей в браке... Оно также усложняет процедуру развода, если только дети не достигли совершеннолетия. Я интересуюсь у Джузеппе, есть ли у его жены дети от первого брака.

— Да, двое.

Голос его звучит тепло, когда он принимается рассказывать о своей новой семье. Кажется, к ее детям он относится, как к своей очень взрослой дочери. Говорит, что в выходные у дочери новой жены — у Мириам — был день рождения, двадцатилетие, вот он с женой и сделали ей совместный подарок:

— Мы ей подарили автомобиль!

Важное событие все еще его волнует, наполняет, и по всему видно, что он очень доволен собой и своею жизнью. Он, безусловно, счастлив. Да, он так и говорит, что нашел свою половинку, он так считает. «А где ты с нею познакомился?» Голос в трубке на несколько секунд умолкает.

Анатолий МОИСЕЕВ

СТИХИ СВОИ СЛОЖИЛ НЕ Я...

Стихи

«Не хочу быть вторым Есениным, хочу быть первым Моисеевым», — сказал однажды молодой поэт Анатолий Моисеев и перестал сочинять стихи. И начал писать фантастику, сказки, повести, фельетоны, зарисовки, иногда, мимоходом, — афоризмы.

За не очень долгую жизнь он стал автором и участником почти двух десятков книг, составителем коллективной книги прозы «Однажды в сентябре» (Мн., «Мастацкая літаратура», 1992), лауреатом Премии журнала «Неман» (1981).

Очень много помогал начинающим литераторам. Сначала — будучи руководителем нескольких литературных объединений, потом — руководителем литературно-издательской студии «Крыніца» при Республиканском центре досуга инвалидов, позже — директором издательского предприятия «Полет души».

А стихи? А стихи свои он, требовательный в литературе как к другим, так и к себе, своим основным занятием не считал.

И все же я решила предложить их читателю.

Елизавета Полес

ГРОЗА

Рявкнула
 небесная
 гармонь,

Ветер
 над землей
 пронесся
 щеткой.

Под мотив
 весенний,
 громовой

Лихо
 дождик
 выплескал
 чечетку.

Вера САВИНА

Мой призрак оперы

Все мое детство прошло в Оперном театре. Для меня это был центр города, центр мира, центр Вселенной.

Как жаль, что пока мы молоды и беспечны, жизнь наших родителей не очень интересует нас. И только собственная жизнь нам интересна и кажется единственной неповторимой и бесценной. Как жаль, что когда мы становимся взрослыми и хотим что-то спросить у родителей, спрашивать чаще всего уже не у кого. Так и получилось, что я ничего не знаю про своего отца. Ничего. Конечно, я знаю, что он был солистом белорусской оперы. Баритон. Юрий Матраев. Он окончил педагогический институт и Свердловскую консерваторию, где учился с Игорем Петровичем Паливодой. У меня была их общая маленькая фотография с датой: 20 июня 1941 года — самый канун войны. Я хранила ее в портмоне. Но однажды в Барселоне у меня украли сумку, а с ней и эту фотографию. Ничего не осталось. Как жаль.

То есть я не могу сказать, что я не знаю совсем ничего. Это было бы совсем уже по-свински с моей стороны. Я знаю, что папа — сирота. Что его родители были учителями в Могилевской губернии и погибли в гражданскую войну. Я помню, что он необыкновенно легко и безразлично относился к семье, к родственникам. Был как бы вне этих теплых связей, вне быта. Еще я помню его в партиях Ленского в «Евгении Онегине», князя в «Русалке» Даргомыжского, в «Паяцах», где он был

Вера на руках у мамы Тамары Грушецкой

особенно хорош. У папы была феноменальная музыкальная память. Он блестяще играл на рояле. Больше никто из нашей семьи на рояле не играл — инструмент использовали как бутафорию или декорацию для приличных фотографий.

Мама — хорошенькая, изящная, хрупкая (ее часто принимали за балерину) приехала в Минск из Тулы. Приехала вместе с подругой, которая вышла замуж за баритона Николая Ворвулева. Запомнился он исполнением партии Демона, «Песні пра Нёман», песни «Зубрёнок» (о Минском автомобильном заводе) — они звучали по радио каждый день с утра до вечера. С Николаем Дмитриевичем красиво, по-театральному прощались в Киеве, где он, народный артист СССР, работал в последние годы жизни. Его провожали мужским хором «Ноченька» из оперы «Демон».

После моего рождения наша семья, как и многие актерские семьи в то время, несколько лет жила в гримерке Оперного театра. В гримерках готовили, стирали, растили детей. И из них же, перевоплотившись, артисты выходили к зрителям. Не помню ничего из той жизни, но знаю, что наша гримерка была напротив выхода на сцену. А потом мы переехали в театральный двор на Куйбышева (его еще называли по фамилии тогдашнего директора театра — поселок Люторовича), но жизнь так и осталось привязанной к Оперному.

Не понимаю тех, кто сейчас воспекает и идеализирует коммунальные квартиры. Ничего хорошего в них не было. Рядом, в квартале Осмоловка, в таких же двухэтажных домах, построенных немцами, были даже ванны. У нас — только водопровод и сортир. Хорошо, что не на улице. Готовили на керосинках и керогазах. Во двор приезжала подвода, и все с бидонами выстраивались в очередь за керосином. У меня от этого запаха болела голова. Но мы были детьми, и быт нас не очень занимал. А вот нашим молодым родителям жилось нелегко. Телевизоров, холодильников, телефонов ни у кого не было. А когда стали появляться, то ими пользовались и коллеги, и друзья, и соседи.

Галя Вагнер и Вера (фото Ирины Глазовой)

Во имя белорусской литературы

Письма Михаила Исаковского Евгению Мозолькову

В истории национальных литератур важнейшую роль играют переводы лучших произведений каждой из них на другие языки. Это обстоятельство является главным условием равноправного вхождения в огромное соцветие мировой литературы, создает уникальные возможности через литературу познавать жизнь, культуру и духовный мир других народов. Труд переводчика не менее ценен любого другого литературного творчества. Белорусской литературе необыкновенно везло: ее произведения переведены на сотни языков, а история этих переводов связана с выдающимися именами многих национальных литератур. Прежде всего произведения белорусских авторов находили поддержку и становились объектами творчества известных русских переводчиков. Этому есть не одно доказательство, в том числе переводы Михаила Исаковского и Евгения Мозолькова. На протяжении 1930-х—1960-х гг. перевод с белорусского был неотъемлемой частью их литературного труда. Об этом свидетельствуют многие документы, хранящиеся в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства, в том числе и письма Михаила Исаковского к Евгению Мозолькову, которые публикуются ниже.

Имя Михаила Исаковского (1900—1973) широко известно не только в русской литературе. К белорусскому читателю он приходил вместе с первыми школьными хрестоматиями, его переводили на белорусский язык Алесь Бачила, Петрусь Бровка, Аркадий Кулешов, Максим Танк и многие другие. Имя Евгения Мозолькова знают немногие, а потому не лишним будет остановиться на его биографии.

Евгений Семенович Мозольков родился 30 сентября 1909 г. в местечке Кричев Чериковского уезда Могилевской губернии в семье сельского учителя. С 1919 г. воспитывался в детском доме, а затем в сельскохозяйственной колонии г. Мстиславля. Окончив в 1924 г. девятилетку, уехал в Москву, где до сентября 1926 г. работал на кондитерской фабрике Центросоюза (впоследствии фабрика «Рот Фронт»). В 1926 г. Евгений Мозольков поступил на литературное отделение этнологического факультета Первого московского университета. Еще до поступления в университет он увлекся литературным творчеством. Его первые стихи появились в 1924 г. в журнале «Московский пролетарий», а чуть позже поэт был принят в члены Замоскворецкого рабочего литкружка «Искра». После окончания в 1930 г. университета некоторое время работал в бюро печати «Союзлес», а с марта 1931 г. был редактором редакции языка и литературы Учпедгиза. В связи с обострившейся болезнью (еще в 1929 г. заболел туберкулезом легких) в 1932 г. вынужден был оставить работу. Несколько лет находился на пенсии по инвалидности. В марте 1935 г. Евгения Мозолькова принимают редактором в редакцию литературы народов СССР Гослитиздата. С началом Великой Отечественной войны он активный участник обороны Москвы. В 1942 г. вступает в члены Союза писателей

СССР. С 1948 по 1969 г. — бессменный председатель совета по белорусской литературе при правлении Союза писателей СССР.

Стихи Евгения Мозолькова, начиная с 1920-х гг., появлялись в «Комсомольской правде», журналах «Октябрь», «На литературном посту», «Беларусь», во время войны активно печатались в «Правде» и «Известиях». В послевоенное время Евгений Мозольков стал известен как преуспевающий переводчик и литературный критик. В этот период им написано множество очерков и статей о творчестве белорусских писателей, развитии белорусской литературы. Наиболее значимые: «Янка Купала» (1949 г.), «Якуб Колас» (1953 г.), «Поющая земля» (1965 г.). В 1950 г. за книгу «Янка Купала» ему была присуждена Государственная премия СССР.

Евгений Мозольков перевел на русский язык прозу Якуба Коласа, произведения Алексея Кулаковского, Николая Лобана, Михася Лынькова, Платона Головача, Ивана Мележа. В его переводах публиковались стихи Максима Богдановича, Петруся Бровки, Василя Витки, Якуба Коласа, Янки Купалы, Аркадия Кулешова, Пимена Панченко и других белорусских поэтов. С 1936 по 1969 г. вышло более ста книг белорусских писателей, где Мозольков участвовал как переводчик, составитель или автор вступительных статей.

Умер Евгений Мозольков 15 декабря 1969 г., оставив после себя богатый архив, который по доброй воле его детей — сына Андрея Евгеньевича Мозолькова и дочери Елены Евгеньевны Тихомировой, был передан в Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства.

Знакомство Михаила Исаковского и Евгения Мозолькова состоялось в середине 1930-х гг. Тогда в Гослитиздате, где редактором работал Евгений Семенович, готовился к изданию и вышел в свет сборник стихов Исаковского «Четыре желания». Много лет спустя, уже после войны, их сблизила и подружила работа на ниве белорусской литературы. Во время войны Михаил Исаковский был эвакуирован в г. Чистополь Татарской АССР, а Евгений Мозольков оставался в Москве. Тогда и написал Михаил Васильевич свое первое письмо Евгению Семеновичу (единственное сохранившееся письмо военного времени).

Самая активная переписка между писателями происходила в 1960-е гг. Тогда они оба активно работали над переводами произведений Якуба Коласа.

Наиболее интересны письма Михаила Исаковского, связанные с его работой над переводом знаменитой белорусской поэмы «Тарас на Парнасе». Еще осенью 1939 г. перевод был заказан Мозольковым для «Антологии белорусской поэзии» в русских переводах. Работа над сборником затянулась, а с началом войны и вовсе прекратилась. Первая в России «Антология белорусской поэзии» вышла в 1948 г. в Ленинграде. Там поэма «Тарас на Парнасе» опубликована в переводе Михаила Лозинского. Тем не менее в 1939 г. Исаковский перевел поэму, и этот текст двадцать семь лет пролежал в личном архиве, забытый и никому не известный. В конце 1965 г. Евгений Мозольков вспомнил о существующем переводе и написал его автору. В ноябре 1965 г. Исаковский напишет Мозолькову письмо, где расскажет о судьбе перевода. Через некоторое время Евгений Семенович попросит Исаковского доработать перевод с тем, чтобы опубликовать его в одном из белорусских журналов.

В начале января 1966 г. работу над переводом поэмы «Тарас на Парнасе» Михаил Исаковский завершил: внес множество серьезных правок в вариант, подготовленный им в 1939 г. Через некоторое время Евгений Мозольков передаст рукопись перевода поэмы в редакцию журнала «Нёман», где с его вступительным словом она впервые будет напечатана в июньском номере 1966 г.

Кирилл Ладутько

Путешествие по белорусскому Монпарнасу

Рецензия на книгу «Парижская школа: Белорусский Монпарнас и художественное сообщество XX века»

Книга «Парижская школа: Белорусский Монпарнас и художественное сообщество XX века», недавно увидевшая свет в издательстве «Беларусь», является продолжением той многогранной работы, которую белорусские исследователи ведут не одно десятилетие, создавая общую картину участия уроженцев Беларуси в мировом искусстве. Публицист, арт-менеджер, куратор, экс-либрисист и издатель Алла Борисовна Змиёва осмысляет феномен Парижской школы, исследует особенности творческого почерка именитых художников и то, как связаны их судьбы с Беларусью.

К Парижской школе относят сотни художников. Алла Змиёва уточняет: «...более полутора тысяч выдающихся художников-новаторов со всего мира, творческий взлет которых пришелся на исторический отрезок времени революционных потрясений и двух мировых войн. Жизнь этих художников — отражение целой эпохи, всех главных событий мировой истории XX века. Парижская школа открывает XX век, эпоху высокого модернизма в искусстве».

Термин «Парижская школа» вошел в историю искусства с подачи критика Андре Варно в 1920-х годах. 27 января 1925 года он опубликовал во французской литературной и художественной газете «Comoedia» статью, где использовал это определение. В октябре он повторил его в подзаголовке к своей книге «Колыбель молодой живописи». Так термин вошел в теорию искусства. Кстати, со временем страстным исследователем этой темы стала дочь Андре — Жанин Варно.

Известный белорусский исследователь Владимир Счастный сформулировал такое определение: «Искусствоведы давно пришли к мнению о том, что Парижская школа в изобразительном искусстве — не направление и не стиль, а исторический факт». Алла Змиёва приводит эту цитату в качестве эпиграфа. И далее в главе «Парижская школа: истоки нового искусства» знакомит читателя с конкретным парижским адресом, районом, где организовалось концентрированное сообщество талантливых творцов, стремившихся соединить свое сознание, свое осмысление мировых противоречий с пространством и временем,

с непредсказуемыми испытаниями человечества в первые десятилетия XX века. «...История Парижской школы напрямую связана с Монпарнасом. В начале XX века этот район только застраивался и был существенно дешевле легендарного артистического Монматра, где в последние десятилетия XIX и в самом начале XX века сложилось художественное сообщество в основном французских художников и поэтов, и практически не оставалось свободных помещений под мастерские. Тогда на южной окраине Монпарнаса возник вскоре ставший знаменитым «Улей» <...> В круглом здании, спроектированном в виде восьмиугольника, можно было снять мастерскую за символическую плату. Такой арт-резиденцией в переулке Данциг в Париже стала бывшая «Вилла Медичи», которую приобрел скульптор Альфред Буше. В 1902 году он превратил необычное здание в художественную коммуны — общежитие для своих коллег, которые за скромную плату могли жить и работать по соседству друг с другом. С годами количество постояльцев «Улья» росло и доходило со временем до 140 человек...» Таким было начало, такими были первые шаги...

Кто же из уроженцев Беларуси — выходцев из белорусских местечек относится к художникам Парижской школы? Яков Балглея (родился в Брест-Литовске в 1891 году), Роберт Генин (родился в деревне Высокое на территории нынешнего Климовичского района в 1884 году), Евгений Зак (уроженец местечка Могильно, теперь Узденский район, родился в 1884 году), Михаил Кикоин (уроженец Гомеля, родился в 1892 году), Пинхус Кремень (родился в местечке Желудок на Гроднинщине в 1890 году), Осип Любич (родился в Гродно в 1896 году), Марк Шагал (родился в Лиозно Витебской губернии в 1887 году), Надя Ходасевич-Леже (родилась в Минской губернии в 1904 году), Хаим Сутин (родился в местечке Смиловичи на Минщине в 1893 году), Осип Цадкин, Файбиш-Шрага Царфин, Натан и Наум Певзнеры, Лейба Шульман, Оскар Мещанинов, Леон Идельбаум, Израиль Левин, Яков Милкин... Мировой славы из этих 18 добились трое — Марк Шагал, Хаим Сутин, Осип Цадкин. Судите сами... Аукционные рекорды продажи картин Сутина и Шагала — около 30 миллионов долларов. Самая дорогая картина Беларуси — «Ева» Хаима Сутина — была приобретена за 1 800 000 долларов.

На страницах книги «Парижская школа: Белорусский Монпарнас...» — рассказ о судьбах двенадцати художников, выходцев из белорусских местечек. Издание богато иллюстрировано. И, что не менее важно, в книге отражена привязанность мастеров искусства к тем или иным адресам. Внимательно познакомившись с изданием, можно смело отправляться в путешествие. Сборник о легендарных художниках — не столько искусствоведческое повествование, сколько занимательный публицистический рассказ с элементами художественного краеведения. Автор уделила внимание и тому, как чтят память великих земляков в Беларуси. Есть и своего рода карта — «География Парижской школы Беларуси».

Книга отличается богатым фактографическим материалом, с помощью которого рельефно, осязаемо раскрыты яркие судьбы наших земляков, показаны драматические этапы их вхождения в большое искусство.

«Парижская школа: Белорусский Монпарнас...» — еще и убедительное напоминание, что давно следует расширить границы краеведческой работы вообще, придать большую значимость именно художественному краеведению. Возможно, в данном издании не до конца выполнена заявленная задача его как путеводителя. Но это ни в коей

мере не умаляет ценности книги. И она, безусловно, занимает место в ряду других достойных работ, среди которых, прежде всего, важно вспомнить «Художников Парижской школы из Беларуси. Эссе. Биографии. Путеводитель» Владимира Счастливого.

Вероятно, давно назрела необходимость издания книг популярного характера, посвященных теме адресов белорусского изобразительного искусства. И не надо дожидаться, когда пройдут десятилетия после смерти того или иного живописца, графика. И не надо отговариваться тем, что большие, талантливые художники известны по многочисленным репродукциям своих работ, что некоторым из них посвящены альбомы, публикации в периодических изданиях. Да, есть музеи и галереи. Но далеко не всех жителей страны, равнодушных к произведениям изобразительного искусства, принимали родные места Язепа Дроздовича, Наполеона Орды, Виталия Цвирко, Евсея Моисеенко. Мало кто знает о связи с Беларусью, к примеру, Генриха Вейсенгофа... Уроки искусства, уроки истории искусства — это и уроки любви к нашей Родине, это и поиск того места силы, тех творческих родников, без которых современному человеку не выжить в этом цифровом мире.

Возможно, книга «Парижская школа: Белорусский Монпарнас...» как раз и откроет серию издательских проектов, которые станут большой библиотекой художественной памяти нашего Отечества?..

ГАЛЬПЕРОВИЧ Наум Яковлевич. Родился в 1948 году в городе Полоцке Витебской области. Окончил Витебский педагогический институт. Поэт, прозаик, журналист. Автор более десятка книг стихов и прозы, множества авторских радиопередач, телевизионных проектов. Живет в Минске.

ГРИШКОВЕЦ Валерий Федорович. Родился в 1953 году в Пинске. Учился в Белорусском государственном университете. Окончил ВЛК Литературного института имени А. М. Горького (Москва). Поэт, прозаик, переводчик. Автор ряда книг поэзии и прозы. Лауреат нескольких республиканских и международных литературных премий, в том числе «Золотое перо России». Награжден медалью Франциска Скорины. Живет в Пинске.

ПОЛИКАНИНА Валентина Петровна. Родилась в 1958 году в городе Кричеве Могилевской области. Окончила Белорусский государственный университет. Автор 18 книг поэзии, прозы, публицистических материалов, переводов, стихов для детей. Лауреат специальной премии Президента Республики Беларусь в номинации «Художественная литература», Национальной литературной премии Беларуси, премии Федерации профсоюзов Беларуси и других литературных премий и конкурсов. Награждена медалью А. С. Пушкина (РФ) и медалью Франциска Скорины (РБ). Живет в Минске.

ПОПОВА Елена Георгиевна. Родилась в 1947 году в городе Лягтца (Польша). Училась на факультете журналистики Белорусского государственного университета, окончила Литературный институт А. М. Горького. Драматург, прозаик. Автор множества пьес, поставленных театрами разных стран. Произведения переведены на английский, японский, немецкий, польский, белорусский языки. Победитель Первого Европейского конкурса пьес. Представлена в энциклопедии «2000 выдающихся европейцев XXI столетия». Живет в Минске.

ШУРПИН Анатолий (КУЧУРА Анатолий Анатольевич). Родился в 1972 году в городе Барановичи Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет культуры и искусств (курс фольклора Ильи Сучкова и курс драматургии Алексея Дудорева). Затем Белорусскую государственную академию искусств (курс театроведения Тамары Горобченко). Имеет публикации в белорусских СМИ. Поэт, драматург. Живет в деревне Богуши Барановичского района Брестской области.

ЛОБЕЕВА Наталья (Лабеева Наталья Сергеевна). Родилась в 1992 году в городе Слониме Гродненской области. Окончила филологический факультет Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет в Слониме.

ДЕДЛОВА Нина (МАРКОВА Нина Андреевна). Родилась в 1953 году в поселке Дедлово Рогачевского района Гомельской области. Окончила Молодеченский государствененый политехнический техникум. Автор нескольких поэтических сборников для взрослых и детей, а также публикаций в СМИ Беларуси, России, Украины. Живет в Гомеле.

ЛЕО Анна (ЛЕОНОВА Ирина Викторовна). Родилась в 1957 году в городе Щелково Московской области. Окончила Белорусский государственный институт народного хозяйства имени В. В. Куйбышева, Литературный институт имени А. М. Горького (Москва). Автор ряда книг для детей и взрослых. Лауреат Республиканского литературного конкурса «Лучшее произведение 2011 года», бронзовый призер IV Славянского форума искусств в номинации «Детская литература». Живет в Минске.

АФНАСЬЕВА Елена (ВОРОБЕЙ Елена Николаевна). Родилась в 1955 году в Минске. Окончила Минский государственный лингвистический университет (факультет французского языка) и аспирантуру при АН БССР. Преподаватель иностранных языков, переводчик. Автор обучающих программ для детей по иностранным языкам. Пишет прозу. Имеет публикации в белорусских СМИ. Живет в Минске.